

С восходом солнца Ваньку разбудил уставший голос мамы Вари:

— Поднимайся, сынок, на работу. Бригадир сказал — на сенокос подвозить сено.

Увидев опухшие губы сына, мать спросила:

— Что, опять подрался, защитник ты наш?

Сын буркнул:

— Они опять обзываются «фашистом», ну, я этого Только-филина прижал, дал по морде хорошо, а тут его старший брат нарисовался, конечно, вдвоём...

Варвара вздохнула:

— Привыкай, мы уж пять лет это клеймо носим.

— Ага, чичас... — тихо буркнул Ванька, сжав кулачки.

В углу тесной каморки во сне что-то бормотали сестрёнки.

Сунув в карман серую ячменную лепёшку, кусок жмыха, Ванька помчался на конный двор, где бригадир давал всем разнарядку по рабочим местам.

А Варвара тихо, на своём родном языке, продолжала разговаривать со своим «Майн Гот»:

— Ванька — безотцовщина, совсем отбивается от рук, даже дома не хочет говорить по-немецки, и всё больше он учит маму Варю правильно произносить русскую речь. В поселении запустили свою жерновую мельницу, и народ ожил немного: теперь к столовской «пустой» еде иногда можно и лепёшку из сорняка всякого с ячменём детям прямо на плите сделать. Спасибо большое Михаилу Павловичу, это всё

хороший начальник для всего поселения сделал. Все спецпоселенцы молятся за него.

И Варвара заспешила на свою ответственную работу — поварить, готовить корма на свиноферму.

...У Ваньки это был первый в жизни сенокос, впервые ему доверили лошадь — сидя верхом, подвозить сено к зароду. Сегодня старший конюх дядя Афоня доверил примечательную немолодую кобылу, по амбарным книгам — с кличкой Пестрёлка. Но если по правде, то среди пацанов деревни её ласково называли Пестрожопка — за разноцветный, в яблоках, зад на коричневом фоне. Кобыла была не молода, скорее уж наоборот, и уж очень костлява в холке, том месте, на котором Ваньке и пришлось как-то удерживаться при езде — без седла, конечно: по штату на это место полагалась просто старая фуфайка.

Ваньку определили в звено метчиков высокого и сутуловатого добряка дяди Пети. И в этот знойный жаркий день они смогли собрать и сметать душистого сена аж три зарода. Это такие большие прямоугольные «чемоданы» с красиво завершённым искусным дядей Петей верхом. А когда он по завершении очередного «чемодана» по длинным вожжам опускался на землю, даже бесстрашному Ваньке становилось беспокойно.

...Красный диск солнца уже пошёл на закат, когда дядя Петя, обтесав грабельками уже четвёртый зарод, устало скомандовал:

— Запрягай, домой!

С поля домой Ваньке уже не хотелось ехать на своей лошадке верхом, он бочком примостился на общей телеге, держа свою понурую Пестрожопку на поводу. С непривычки к верховой езде у парнишки к вечеру появилась матросская походочка, как при морской качке.

У Ваньки было в целом неважное, даже плохое настроение, но появилось какое-то новое чувство взрослой ответственности перед мамой Варей и маленькими сестрёнками, что завтра с восходом солнца опять вставать и уже по-другому воспринимать действительность.

А уже почти в сумерках, так неожиданно и контрастно с трудной и полуголодной действительностью, вдруг у чёрных бараков заиграл впервые трофейный патефон, и такой незнакомый и оптимистичный голос певицы Руслановой выдал: «Валенки, валенки...»